

А. А. Вовин

Римское право и Псковская Судная грамота

Вопрос о влиянии римского права на формирование законов Древней Руси относится к числу наиболее дискуссионных в отечественной историографии. Краткая историография этой проблемы изложена в двух статьях, написанных автором этих строк в соавторстве с Н. Б. Срединской¹; эти доступные в том числе онлайн статьи в любом случае являются необходимым предисловием к изложенному ниже.

Основным выводом первой статьи было то, что Псковская Судная грамота (далее — ПСГ) испытала влияние римского права, причем не посредством различных византийских правовых сборников, бытовавших на Руси, а через рецепцию римского права более раннего этапа его кодификации — юстиниановского. Вывод этот основан на текстуальном сопоставлении ст. 89 ПСГ о пожизненном пользовании вдовой имуществом покойного мужа и статьи 5.10.1 Кодекса Юстиниана (далее — КЮ) об узифрукте, данном вдове покойным мужем. Текстуальное сравнение этих статей показывает их крайнюю близость между собой и при этом значительные расхождения как в смысловом, так и в текстологическом отношении с соответствующими статьями Русской Правды Пространной редакции и Эклоги, которые, в свою очередь, близки между собой.

Вывод о заимствовании ПСГ текста, близкого к КЮ, в обход известного на Руси более позднего византийского законодательства, встретил серию критических замечаний коллег, что привело к написанию настоящей статьи, в которой, с одной стороны, вывод будет несколько скорректирован, а с другой стороны, его аргументация будет, наоборот, усилена. Необходимо подробнее рассмотреть другие византийские переводные сборники, известные на Руси, и в Пскове, в частности.

ПСГ 89 и КЮ 5.10.1

ПСГ 89

А у которой жены муж помрет без рукописания и останется отчина или живот, ино жене ею кормится до своего живота, толко не пойдет замужь, а пойдет замужь, ино ей нет.

КЮ 5.10.1

Если умирающий муж оставит узужфрукт на свое имущество жене, а она вступит во второй брак, то она утрачивает узужфрукт, который получила от предыдущего мужа, и возвращает его в целости детям в тот день, когда вступает в брак (перевод — А. Вовин, Н. Срединская); Si usum fructum maritus rerum suarum decedens uxori reliquerit eaque in secundas nuptias consortiumque convenerit, usum fructum, quem ex priore marito consecuta fuerit, amittat atque eum filiis ex die quo nupserit mature restituat.

История бытования переводных византийских правовых сборников и сделанных из них компиляций на Руси имеет давнюю историю, восходящую к первым векам после христианизации. Так, древнеславянская кормчая XIV титулов без толкования, содержащая отдельные выписки из Прохирона и Эклоги, появилась не позднее XI в.² В XI–XII вв. появилась компиляция «Книги Законы», включавшая Земледельческий закон³. Сразу нужно отметить, что кормчие в целом представляли собой сборники скорее канонического права, однако, как хорошо известно, в целом для средних веков строгая терминологичность и классификация явлений были нехарактерны, что ярко проявилось и здесь. Кормчие нередко включали в свой состав нормы совершенно светского права, а в отношении самоназваний памятников наблюдается определенная путаница. Разница между кормчими, номоканонами и правилами святых отцов в древнерусских источниках в известной степени условна⁴.

Именно в составе памятников канонического права и проникают на Русь сначала отдельные фрагменты, а затем и целые сборники светского византийского права. Среди последних необходимо выделить прежде всего Эклогу, сборник иконоборческого времени, получивший, тем не менее, в последующий период широкое распространение на Руси; и Прохирон, известный на Руси как «Закон Градский», созданный уже в период гонений на иконоборцев и должествующий по своему замыслу заменить Эклогу, но в действительности повторяющий многие ее положения⁵. Помимо этого, на церковнославянский был переведен Земледельческий закон, включавший, помимо правовых норм, связанных с собственно землепользованием, также раздел «О казнях», прямого отношения к земледелию не имевший. Широкое распространение на Руси получил, по всей видимости, болгарский или моравский по происхождению, но дошедший преимущественно в древнерусских списках, Закон Судный Людем⁶, который хотя и не может быть отнесен к памятникам римского права, однако испытал его сильное влияние и, так же как и вышеперечисленные сборники византийского права, стал своеобразным проводником римской правовой традиции на Руси.

Генетические отношения между всеми вышеперечисленными памятниками весьма запутаны, но эта проблема в любом случае лежит за рамками настоящей статьи. Как бы мы не оценивали, например, степень влияния Эклоги на Прохирон или на Закон Судный Людем, эти памятники отражали уже византийский или греческий этап развития римского права, которое было основано на *Corpus Juris Civilis* Юстиниана, но во многом существенно переработало нормы последнего. Сама же кодификация Юстиниана, как обычно считается, была на Руси практически неизвестна, за исключением немногочисленных и небольших цитат из Новелл, попавших под именем «юстиньяна царя новые заповеди» в различные древнерусские правовые сборники в наиболее полном виде, например в Мерило Праведное⁷.

Рассмотрим сначала вопрос о том, встречается ли норма про пожизненную кормлю вдовы при отсутствии второго брака в тех кормчих книгах, которые бытовали в Пскове. Нам известно несколько списков, представляющих собой особую Псковскую редакцию Кормчей, причем древнейший из этих списков — Тихомировский — относится к древнейшим русским кормчим. По всей видимости, именно этот памятник, Псковская редакция, близок к Новгородской Синодальной, но не происходит от нее, скорее, имея с последней общий протограф⁸. Статейный состав обеих редакций практически идентичен и включает из интересующих нас условно светских правовых памятников следующие части: некоторые из Новелл Юстиниана (без интересующей нас статьи про узупрукт вдовы); Закон Судный Людем Краткой редакции; грани 1–3, 11, 12 и сокращенный текст 7 грани Прохирина; сокращенный текст 2 главы 2-го титула Эклоги⁹. Закон Судный Людем не содержит ни одной нормы, хоть как-то близкой в смысловом отношении к рассматриваемой нами. То же самое, забегая вперед, справедливо и в отношении Земледельческого закона, в котором брачно-имущественные отношения не рассматриваются вовсе. Впрочем, он представляется весьма перспективным в отношении поиска источников многочисленных статей ПСГ об отношениях господаря и изорника, но это тема для отдельного исследования. Грани Прохирина (1–3, 7, 11, 12), хотя и посвящены близким сюжетам (запреты на близкородственные браки, предбрачный дар, приданое, расторжение и заключение брака), нигде не содержат ту правовую коллизию, которой посвящены 89-я статья ПСГ и КЮ 5.10.1. Равным образом и 2-я глава II титула Эклоги посвящена запрету браков между близкими родственниками. Таким образом, получается, что единственная известная нам редакция псковской Кормчей, в которой есть все основания видеть «Манаканун» псковских летописей, не содержит правовой нормы, которая могла стать источником ПСГ 89. Этому может быть только четыре мыслимых объяснения.

Первое: рассматриваемая норма все же могла, конечно, быть заимствована из какого-то другого источника: либо не дошедшего до нас псковского правового памятника, либо непсковского, но древнерусского источника. В таком случае мы все же должны обнаружить ее в полном тексте Прохирина

(Закона Градского) или Эклоги. Второе: можно предположить, что мы имеем дело со случайным совпадением между ПСГ и КЮ, появившимся вследствие типологического сходства. Третье: ПСГ заимствовала статью 89 из текста, близкого к КЮ, скорее всего латиноязычного. И, наконец, четвертое: норма ПСГ вторична по отношению к псковским же частным актам, где она тоже прослеживается¹⁰. В таком случае источником нормы в последних стоит видеть опять-таки латиноязычные документы, поскольку для Византии того времени норма была уже давно устаревшей и в актах встречаться не могла, а в Латинской Европе как раз бурно развивалось римское право, основанное на юстиниановых законах.

Начнем по порядку. Эклога, как уже говорилось, содержит норму, восходящую к КЮ, но при этом явно более подробную и усложненную по сравнению с ПСГ и КЮ.

ПСГ 89, КЮ 5.10.1. и Эклога II 5–6

ПСГ 89	КЮ 5.10.1	Эклога II 5–6
А у которой жены муж помрет без рукописания и останется отчина или живот, ино жене ею кормится до своего жы-вота, только не пойдет замуж, а пойд-дет замуж, ино ей нет.	Если умираю-щий муж оставит узупрукт на свое имущество жене, а она вступит во второй брак, то она утрачивает узупрукт, кото-рый получила от предыдущего мужа, и возвраща-ет его в целости детям в тот день, когда вступает в брак (перевод — А. Вовин, Н. Сре-динская); Si usum fructum maritus rerum suarum decedens uxori reliquerit eaque in secundas nuptias consortiumque convenerit, usum fructum, quem ex priore marito consecuta fuerit, amittat atque eum filiis ex die quo nupserit mature restituat.	5. ...Если же муж умирает ранее своей жены бездет-ным, равным образом и жене полностью возвращается ей (от него) по договору приданое и соразмерно величине этого приданого одна четвертая часть из оставленных мужем всяких вещей в указанном случае поступает в ее пользу; все же прочее имущество ее мужа причитается соответственно воле умершего его наследникам или при отсутствии завещания — его на-следникам по закону. 6. Если при наличии детей муж умрет раньше своей жены, то жена, т. е. мать его детей, является владелицей всего своего приданого и всего мужнего имущества и она несет все заботы по управлению делами и, конеч-но, составляет казенную опись <или инвентарь> всего оставшегося от ее мужа всевозможного имущества и состояния, включая в такую опись и имеющиеся у нее вещи из приданого; если же она имеет [что-либо] сверх приданого, то она обязана доказать убедительными доказательствами, что она это внесла в дом своего мужа и что это появилось после его смерти. И не имеют права ее дети противостоять ей или требовать от нее отцов-ское имущество; напротив, они должны выказывать ей всяческое повиновение и уважение, согласно божьему предписанию, как матери; понятно, ей надлежит, как это положено родителям, воспитывать детей, женить их, давать им приданое, какое пожелает. Если же случи-лось бы ей вступить во второй брак, то ее дети имеют право оставить ее и взять на себя все распоряжение отцовским имуществом. Принесенное ею их отцу при-даное и только то, что принесено их отцом в качестве увеличения ее приданого в дар [предбрачный дар?], передается ей.

Уже с первого взгляда видна очевидная пропасть между ПСГ и КЮ, с одной стороны, и Эклогой с другой. Текст последней намного подробнее и рассматривает различные нюансы, отсутствующие в ПСГ и КЮ (наличие или отсутствие детей, приданое и предбрачный дар, почтение детей к матери и пр.). Несомненно, текст Эклоги основан на КЮ, но значительно развивает его, добавляя новые детали. Налицо существенное по сравнению с юстиниановой кодификацией изменение имущественного брачного права¹¹. Таким образом, если предположить, что ПСГ 89 восходит к Эклоге, а не к КЮ, то получается, что составитель(и) ПСГ так отредактировал(и) текст Эклоги, что у него (них) получился практически КЮ, что, очевидно, невозможно.

Прохирон вообще¹² не содержит нормы о пожизненном пользовании имуществом покойного мужа при условии невступления вдовы в повторный брак. Но сама по себе возможность второго брака рассматривается в ряде его граней. Наблюдение над понятийным аппаратом Прохирина (и Эклоги) приводит к важным выводам. Переводчик(и) этих сборников (оставив в стороне вопрос о том, когда этот перевод был выполнен, сколько существует редакций Прохирина и пр.) использовал(и) такие понятия, как: «вено» (в значении «приданое»), «предбрачный дар», «наследник», «имение» (в значении «имущество»), «завещание» и т. д. Показательно, что ни одно из этих понятий не встречается в ПСГ. Вместо «наследник» используется «приказник», вместо «вено» — «покрута», вместо «имение» — «живот» или «отчина» (хотя первое из этих понятий в Прохироне и Эклоге тоже встречается), вместо «завещания» — «рукописание». Аналога «предбрачному дару» ПСГ не знает вовсе. Этот список можно продолжить, он выходит далеко за пределы норм, связанных с браком и наследством. В целом можно констатировать, что понятийный аппарат ПСГ в языковом смысле далеко отстоит от такового в Прохироне и Эклоге. Представляется, что это аргумент в пользу того, что эти сборники не оказали никакого влияния на ПСГ. Ведь в противном случае составитель(и) последней, будучи знаком(ы) с нормами переведенного на церковнославянский византийского права, неизбежно воспользовался(ись) бы готовым понятийным аппаратом. Вместо этого в ПСГ наблюдается попытка создания нового юридического понятийного словаря, причем с опорой на архаичные выражения, такие как «в одерень», в которые вкладывается совершенно новый смысл¹³. По всей видимости, в Пскове периода самостоятельности разделение судебных юрисдикций существовало не только формально, как мы его знаем по ПСГ и летописанию. Разделение было настолько глубоким, что светские власти, постепенно создавая «псковскую пошлину» (как правильнее бы было называть ПСГ), даже не были знакомы с теми юридическими документами («Мануканун»), которыми руководствовался в суде наместник новгородского архиепископа и, соответственно, с понятиями, в них используемыми.

Рассмотрим второе возможное объяснение близости ПСГ 89 и КЮ 5.10.1. Обосновать типологическую близость обществ Византии VI в. и Пскова XIV–

XV вв., а особенно сходство их правовых культур, вряд ли представляется возможным. Если даже предположить, что в Пскове рассматриваемого периода на базе обычного права случайно родилась норма, буквально повторяющая КЮ, то получается, что псковское обычное право имело весьма необычные черты. Прежде всего, это сама идея второго брака, которую сборники, созданные на основе обычного права индоевропейских народов, почему-то упорно игнорировали. Кроме того, рассматриваемая норма предполагает известную юридическую самостоятельность женщины, могущей самостоятельно распоряжаться как доставшимся «в кормление» от мужа имуществом, так и правом вступать во второй брак по своему выбору. В римском праве ко времени Юстиниана женщины такой юридический статус обрели (причем именно в позднеримское время!)¹⁴, у континентальных германцев же, например, существовал институт мундоальда, т. е. покровителя женщины (обычно ближайший родственник мужского пола, в случае его отсутствия — король), без согласия которого ни одно значимое решение женщиной быть принято не могло. Наконец, представляется, что бремя доказательства должно лежать на доказывающем. Если будут предъявлены примеры аналогичной по смыслу правовой нормы, при этом возникшей без влияния римского права, в таком случае имеет смысл вернуться к предположению о сходстве между ПСГ 89 и КЮ 5.10.1 в результате типологической близости.

Итак, «византийская» и «типологическая» гипотезы уязвимы для критики. Остаются две других, которые можно условно назвать «латинскими». В одном случае речь идет о заимствовании ПСГ нормы какого-то латинского (возможно, через вернакулярный язык-посредник) памятника, близко воспроизводившего норму КЮ 5.10.1. В другом — о первичности псковских (и северо-западных вообще) актов по сравнению с ПСГ. В таком случае норма о пожизненной кормле вдовы была заимствована из латиноязычных документов северо-западной актовой традицией, а уже затем была включена в состав ПСГ. Обе последние рассматриваемые гипотезы связаны с заимствованием из латиноязычных (или вернакулярных) источников стран Латинского мира. В отличие от «византийской» гипотезы, которой противоречат глубокие различия в используемом понятийном аппарате ПСГ и переводного византийского права, «латинская» такого контраргумента изначально лишена. Если предположить, что ПСГ 89 возникла в результате заимствования из какого-то латиноязычного памятника, то переводчик, в любом случае, был вынужден каким-то образом подбирать для латинских понятий древнерусские соответствия, а, вернее, адаптировать последние под первые.

В случае если ПСГ непосредственно заимствовала что-то из какого-то латинского источника, то было бы естественным ожидать заимствования по крайней мере нескольких статей или, скорее, целого блока. Но трудоемкая работа по сплошному сличению текстов КЮ и ПСГ в поисках других схожих норм не принесла никакого результата. Сделав своеобразный шаг назад и обратившись к источникам самого КЮ, указанным в самом тексте

памятника, удалось кое-какие параллели все же обнаружить. КЮ 5.10.1 была заимствована из кодекса Феодосия (далее — КФ) первой половины V в., представляющего собой предыдущий этап кодификации римского права, произошедший за сто лет до Юстиниана. Что еще более важно, если КЮ на Западе был известен не ранее конца XI в. и стал обрастать комментариями болонских глоссаторов в XII–XIII вв., то КФ лег в основу того, что называлось «римским правом» в предшествующий период и продолжал активно использоваться до XII в.¹⁵ Соответственно, в то время, когда КЮ был еще распространен преимущественно в Италии, отдельные нормы КФ, вошедшие в состав «варварских правд», могли сложными путями добраться и до европейской периферии. КФ — памятник со сложной историей и дошел до нас в различных фрагментах. Впервые он был издан еще в 1586 г., но долгое время рукописи первых его пяти глав считались утраченными, выдержки из них были обнаружены в Бревиарии Алариха, кроме того, они отражены в так называемом Туринском манускрипте.

Из КФ (3.9.0) статья об узуфрукте вдовы попала в КЮ практически без изменений, а также в той же самой третьей книге КФ имеется норма (3.13.3.1), по смыслу близкая к ПСГ 91. Заметим, что в обоих случаях эти представленные ниже нормы следуют за КФ 3.9.0. и ПСГ 89 соответственно.

ПСГ 91 и КФ 3.13.3.1

ПСГ 91

А у кого помрет сын, а невестка останется, да учнет на свекри, и на девери скруты своеа искати, или платье своего; ино свекру или деверю отдать платье, или крута. А чем невестька клепеть, ино свекру или деверю воля, чимъ хочет: хочет сам поцелует крест, или у креста невестка положит, чим учнет клепати.

КФ 3.13.3.1

Если, пока длится брак, муж будет поглощен печальной судьбой, приданое, о котором говорят, что оно было дано или обещано из имущества жены, пусть будет возвращено женщине, и пусть наследник покойного не претендует для себя на ничего из того, что кончина мужа заставляет вернуть жене (перевод — А. Вовин); Si constante matrimonio maritus fatali fuerit sorte consumptus, dos, quae data dicitur vel promissa ex eius uxoris facultatibus, ad feminam revertatur, nihilque sibi ex hoc defuncti heres audeat vindicare, quod ad mulierem recurrere fecit obitus maritalis.

Буквальное содержание обеих статей совпадает: в случае смерти мужа вдова имеет право на принадлежащее ей по праву имущество — прежде всего приданое — «крута» или «скрута», а также, в случае ПСГ, — «платье», в КФ в более общем виде — то, что «было дано или обещано из имущества жены», а наследники покойного на это имущество права не имеют. Обратим внимание, что в обоих случаях жена — не наследник, наследники должны принадлежать к роду покойного: в ПСГ — его брат или отец; heres КФ — тоже наследник по закону, т. е. близкий родственник, поскольку наследник по завещанию назывался legatarius. Заметим, в ПСГ эти категории также разделены: если для наследников по закону обобщающего понятия нет (они обычно перечисляются как в ПСГ 15: «отец, или мать, или сын, или брат, или сестра, или кто ближнего

племени», имеющие право на наследование без завещания и некоторые другие преференции), то наследники по закону называются «приказники», что, кстати, вполне могло бы быть переводом латинского *legatarii*.

Разумеется, помимо сходства есть и очевидное различие, оно, скорее, не в общем смысле правовой нормы, а в том, к кому она обращена. ПСГ 91 в некотором смысле обращена к отцу умершего, что следует из начала статьи: «А у кого помрет сын, а невестка останется...» Требование отдать невестку «скруту и платье» обращено именно к нему. В КФ 3.13.3.1 речь идет уже о смерти мужа, а в центре правовой коллизии находится жена, на имущество которой не имеют права претендовать неназванные наследники. Несомненно, нельзя считать ПСГ 91 переводом КФ 3.13.3.1, только пересказом, причем довольно вольным. Вторая часть нормы ПСГ, очевидно, ни к какому римскому праву отношения не имеет. Предоставленный выбор «целовать крест» или «положить у креста» — одна из устойчивых формул ПСГ и восходит, вероятнее всего, к обычному праву христианского периода, в котором обвиняемый или ответчик могли очиститься посредством символического акта — принесения клятвы. В целом представляется понятным, что при заимствовании чужие нормы права могли корректироваться и приспосабливаться к местным реалиям и условиям. Подобные примеры хорошо известны из раннесредневековых варварских правд, где иногда в обычное германское право причудливо вплетались отдельные нормы того же КФ.

Заметим, что и ПСГ 89 следует считать не дословным переводом КФ 3.9.0, а, скорее, близким пересказом. В первой тоже присутствует клаузула «без рукописания», отличающая ее от второй, т. е. получается, что действие нормы ПСГ ограничено теми случаями, когда умерший не оставил завещания, в то время как в КФ и КЮ такой оговорки нет. При этом, как уже говорилось, нам известны псковские и новгородские завещания, как буквально воспроизводящие норму про кормлю, так и те, в которых она отсутствует¹⁶. На наш взгляд, это может служить аргументом в пользу «актового» происхождения нормы ПСГ. То есть сначала эта норма была заимствована из условно латинского источника северо-западной актовой традицией, а уже оттуда она попала в ПСГ. Этим может объясняться и клаузула «без рукописания», как бы распространяющая уже принятую в частноправовых документах практику на те случаи, когда формальное завещание не было составлено. «Актовая» гипотеза может объяснить и существование ПСГ 88 — зеркального отражения ПСГ 89.

ПСГ 88 и ПСГ 89

ПСГ 88

А у которого человека помрет жена, без рукописания, а оу ней останется отчина, ино мужу ея владети тою отчиною до своего живота, толко не оженится; а оженится, ино корми ему нет.

ПСГ 89

А у которой жены муж помрет, без рукописания, и останется отчина или живот, ино жене его покормится до своего живота, толко не пойдет за муж, а пойдет замуж, ино ей нет.

Нетрудно заметить, что тексты обеих статей практически идентичны. Единственное отличие в том, что вдовец может кормиться только с «отчины» умершей жены, в то время как вдова с «отчины» и «живота» умершего мужа. Вероятно, это следствие различия имущественных прав между мужчинами и женщинами Северо-Запада Руси того времени. Женщина могла владеть землей, доставшейся ей по наследству, но не могла иметь движимого имущества — «живота», кроме своей «круты» и «платья». Но интересно здесь другое: если ПСГ 89 была заимствована из текста, близкого к КФ или КЮ, то для ПСГ 88 такого источника найти нельзя. Да, во втором титуле Эклоги тоже есть зеркальная норма, касающаяся вдовца, но, как уже было показано выше, к тексту Эклоги ПСГ 89 возвести никак нельзя по ряду причин. Те же самые основания препятствуют и тому, чтобы найти в Эклоге источник и ПСГ 88.

В отличие от 89, предыдущая статья ПСГ полностью ни в одном северо-западном акте не отразилась. Этому, впрочем, есть объяснение. Из 38 дошедших до нас завещаний только три написаны от лица женщин¹⁷, причем в двух случаях, судя по всему, завещательницы были уже вдовами¹⁸ и только в одном рукописании Акилина, жена князя Федора, оставляет свою отчину мужу, причем часть в кормлю, часть в одерень. При этом указание на прекращение кормли в случае повторного брака отсутствует. Думается, что выборка наша чересчур мала, чтобы делать вывод о том, что ПСГ 88, в отличие от ПСГ 89, не работала в полной мере. Напротив, учитывая вообще малый процент сохранившихся разрозненных документов Северо-Запада Руси, показателен сам факт наличия дошедших до нас женских завещаний, которых и писалось, скорее всего, намного меньше, чем мужских. То, что норма ПСГ 88 в них все же частично отражена (кормля до живота, но без клаузулы со вторым браком), скорее свидетельствует в пользу того, что эта норма все же работала. Как же объяснить возникновение ПСГ 88? Если принять гипотезу об «актовой» передаче нормы, то все достаточно просто. Заимствована была первой именно норма про кормление вдовы после смерти мужа, затем в силу существующей практики наследования женщинами земли, т. е. отчины, появилась естественная необходимость распространить эту норму и на обратную ситуацию, т. е. на кормлю вдовца после смерти жены. И в таком виде обе эти нормы попадают в ПСГ из частноправовых документов и по этой причине в 88-ю и 89-ю статьи добавляется клаузула «умрет без рукописания», отсылающая к их актовому происхождению.

Подведем итоги. Мы рассмотрели четыре возможных объяснения близости между ПСГ 89 и КЮ 5.10.1 (КФ 3.9.0). «Византийское» и «типологическое» выглядят слишком уязвимыми для критики. Оба «латинских» объяснения вероятны, однако аргументов в пользу того, что норма о пожизненной кормле вдовы была заимствована из латинских источников сначала в акты Северо-Западной Руси, а уже потом оттуда попала в ПСГ, на данный момент представляется более аргументированной. Результат этот, конечно, нужно считать лишь промежуточным, но в исследовании происхождения древнерусского права

приоткрываются новые перспективы, связанные с тем, что, возможно, культура Северо-Запада Руси была более открыта к заимствованиям, чем это считалось ранее.

- ¹ См.: Вовин А. А., Срединская Н. Б. 1) Рецепция римского права в Северо-Западной Руси XIV–XV вв.: вдова и имущество покойного мужа // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2022. № 1 (31). С. 105–116; 2) О рецепции римского права в частных актах северо-западной Руси XIII–XV вв.: Теория и практика сравнительного источниковедения // ВИД. Вып. XLI. СПб., 2022. С. 161–209.
- ² Павлов А. С. Первоначальный славяно-русский Номоканон, Казань, 1869. С. 15.
- ³ Византийский земельный закон. Текст. Исследование. Комментарий. Л., 1984, С. 222.
- ⁴ Корогодина М. В. Кормчие книги XIV — первой половины XVII в. Т. 1. М.; СПб., 2017. С. 5–7.
- ⁵ Щапов Я. Н. Прохирон в славянской письменности // Византийский временник. Т. 38. 1977. С. 48–58.
- ⁶ Тихомиров М. Н. Закон Судный Людем краткой редакции в русских рукописях // Закон Судный Людем краткой редакции. М., 1961. С. 25.
- ⁷ Вершинин К. В. Мерило Праведное в истории древнерусской книжности и права. М.; СПб., 2019. С. 128–133.
- ⁸ Корогодина М. В. Кормчие книги XIV — первой половины XVII в. Т. 1. С. 245.
- ⁹ Там же. Т. 2. С. 69, 74–75.
- ¹⁰ Вовин А. А., Срединская Н. Б. Рецепция римского права в Северо-Западной Руси XIV–XV вв. С. 105–116.
- ¹¹ Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. М., 1965. С. 90–91.
- ¹² Здесь нужно принять во внимание, что мы ориентировались на позднюю (по терминологии М. В. Корогодиной; см.: Корогодина М. В. Кормчие книги XIV — первой половины XVII в. Т. 1) редакцию Прохирона, вошедшую в состав Мерила Праведного, в то время как ранняя известна.
- ¹³ Вовин А. А., Срединская Н. Б. О рецепции римского права в частных актах... С. 195–200.
- ¹⁴ Эклога. С. 89.
- ¹⁵ Коптев А. В. Кодификация Феодосия и ее предпосылки // Древнее право. 1996. № 1. С. 260–261.
- ¹⁶ Вовин А. А., Срединская Н. Б. Рецепция римского права в Северо-Западной Руси XIV–XV вв. С. 105–116.
- ¹⁷ Здесь и далее чтобы сохранить общее с предыдущими статьями нумерование актов, несмотря на выход в конце 2024 г. нового издания «Грамот Великого Новгорода и Пскова» (далее — ГВНП) мы цитируем новгородские и псковские акты по изданию ГВНП 1949 г. под редакцией С. Н. Валка и по изданным Л. М. Марасиновой в 1966 г. «Новым псковским грамотам» (далее — НПГ). Составленные от лица женщин завещания — это ГВНП 129 (ГВНП. М.; Л., 1949. С. 186), НПГ 33 (НПГ. М., 1966, С. 72–73) и НПГ 34 (НПГ. М., 1966. С. 74).
- ¹⁸ В ГВНП 129 это не вызывает никаких сомнений, поскольку там завещательница отдает в «дом святому Николе куплю мужа своего Филипа», что, конечно, не могло произойти при живом муже. В НПГ 34 Ульяна отдает свое село «деверицу своему Ивану до его живот кормити». Такое тоже вряд ли могло быть возможно при живом муже.

References

- Koptev, A.V. Kodifikatsiya Feodosiya i ee predposylki [The Codification of Theodosius and its Prerequisites. In Russ.]. *Drevnee parvo*. 1996. No. 1, pp. 247–261.
- Korogodina, M.V. *Kormchie knigi XIV – pervoi poloviny XVII v. T. 1. Issledovanie. T. 2. Opisaniye redaktsii* [Pilot Books of the 14th – the First Half of the 17th Centuries. Vol. 1. Research. Vol. 2. Editorial description. In Russ.]. Moscow; St. Petersburg, Al'yans-Arkheo, 2017. 600 + 648 p.
- Shchapov, Ya. N. Prokhiron v slavyanskoi pis'mennosti [Prohiron in Slavic Writing. In Russ.]. *Vizantiiskii vremennik*. 1977. Vol. 38, P. 48–58.
- Tikhomirov, M.N. Zakon Sudnyy Lyudem kratkoj redakcii v russkikh rukopisyah [The Law of “Sudnyi Lyudem”, in a Short Edition in Russian Manuscripts. In Russ.]. In Tikhomirov, M. N. (ed.). *Zakon Sudnyi Lyudem kratkoj redaktsii*. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1961. 178 p.
- Vershinin, K. V. *Merilo Pravednoe v istorii drevnerusskoi knizhnosti i prava* [The “Merilo Pravednoe” in the History of Ancient Russian Literature and Law. In Russ.]. Moscow; St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2019. 294 p.
- Vovin, A. A., Sredinskaya, N. B. O receptsii rimskogo prava v chastnykh aktakh severo-zapadnoi Rusi XIII–XV vv.: Teoriya i praktika sravnitel'nogo istochnikovedeniya [On the Reception of Roman Law in Private Acts of Northwest Russia of the 13th–15th Centuries: Theory and Practice of Comparative Source Studies. In Russ.]. In *Vspomogatel'nye istoricheskie dissipliny*. Iss. XLI. St. Petersburg, Nauka, 2022. P. 161–209.
- Vovin, A. A., Sredinskaya, N. B. Receptsiya rimskogo prava v Severo-Zapadnoi Rusi XIV–XV vv.: vdova i imushchestvo pokoinogo muzha [The Reception of Roman Law in Northwestern Russia of the 14th–15th Centuries: The Widow and the Property of Her Late Husband. In Russ.]. In *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2022. No. 1 (31), pp. 105–116.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

А. А. Вовин. Римское право и Псковская Судная грамота // Петербургский исторический журнал. 2025. № 2. С. 238–249

Аннотация: Настоящая статья продолжает серию из двух статей, написанных в соавторстве А. А. Вовиным и Н. Б. Срединской и посвященных проблеме рецепции римского права в его латинском изводе на Северо-Западе Руси. В центре всех публикаций лежит 89-я статья Псковской Судной грамоты, близкая в текстуальном и смысловом отношении к соответствующим местам в кодексах Феодосия и Юстиниана. В настоящей статье развивается и обосновывается высказанная ранее мысль о том, что норма юстиниановой кодификации не могла проникнуть в Псковскую Судную грамоту через более поздние византийские сборники, чьи переводы на церковнославянский бытовали на Руси. Соответственно, источником этой статьи Псковской Судной грамоты, а также ряда новых понятий, появляющихся в ней, был некий латиноязычный источник, отразивший реалии кодекса Юстиниана или более раннего кодекса Феодосия. В статье рассматривается еще одна статья Псковской Судной грамоты, чье происхождение могло быть связано с кодексом Феодосия. Конечные выводы позволяют по-новому посмотреть на истоки права Северо-Запада Руси и на то, в какой мере древнерусская культура испытала рецепцию римского права.

Ключевые слова: Псковская судебная грамота, Средневековый Псков, рецепция римского права, Кодекс Юстиниана, Византия, медиевистика.

FOR CITATION

A. A. Vovin. Roman Law and the Pskov Judicial Charter // Petersburg Historical Journal, no. 2, 2025, pp. 238–249

Abstract: The article continues a series of two articles co-authored by Alexei Vovin and Natalya Sredinskaya and focuses on the Roman law reception (in its Latin version) in the North-West of Rus'. There is a core text which is at the center of all forementioned publications. The 89th article of the Pskov Judicial Charter is very close in textual and semantic terms to the corresponding places in the codes of Theodosius and Justinian. This article develops and substantiates the previously expressed idea that the norm of Justinian's codification

could not penetrate into the Pskov Judicial Charter through later Byzantine law codes, whose translations into Church Slavonic were spread in Old Rus'. Accordingly, the 89th article source, as well as a number of new notions appearing in Pskov Judicial Charter, were produced as a result of borrowing from an unknown Latin-language source that reflected the realities of the code of Justinian or the earlier code of Theodosius. The article also examines another article of the Pskov Judicial Charter (the 91th), whose origin could be probably found in Theodosian Code as well. The final conclusions lead us to a new glance at the origins of the law of the North-West of Rus' and the extent to which the Old Russian culture experienced the Roman law reception.

Key words: Pskov Judicial Charter, Medieval Pskov, Roman Law Reception, Code of Justinian, Byzantium, medieval studies.

Автор: **Вовин, Алексей Александрович** — к. и. н., старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Author: **Vovin, Alexey Aleksandrovich** — PhD in History, Senior Researcher at the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia).

E-mail: avovin@gmail.com